

В каждый нитяной клубок бабушка вкладывала тело – орешек, бумагу, мой тетрадный учебный лист. Начиная накручивать, творила молитву, о жизни говорила, думала, смотрела в окно на наш кургузый тополь – на лето, осень, зиму, на Вёсну. Именно на «Вёсну». В ней были вёсла, лодка смолёная, в путь налаживаемая. По весне, по волне, по первой борозде на усаде. С лопатой, с лопастью по винту накручивалась на спираль пряжа, кудель галактики, запрягалась с нитью клубка, шло повествование, сотворение, стихотворение.

ГОЛУБАЯ НИТКА НА БОБИНЕ ¹

Помню с детства – мамина любимая –
крепкая, в коробочке хранимая
нитька на бобине очень прочная.
Мама умерла, а нить не кончена.
Ушивали многое и разное
этой нитью выгоревшей, ситцевой:
Бабушка с иголкой умудряется,
мамино лицо, моё – традиция.
Ниточка посконная, небесная
не порвётся, потому что честная.
Ариадны нить во тьме космической.
Третье поколение – не истрachена.
Сколько ей и платьев перетачано ²,
сколько ей носков, трусов заштопано.
Нитка жизни. Ниточка семейная.
Из бобины, переданной Макошью ³.

¹ Бобина – (*франц.*) большая катушка для прядильных машин.

² Тачать – шить сквозной ниткой.

³ Макошь – покровительница женщин и женских ремёсел.

От иконы Троицы, от вервия ⁴.
Тянется она, как будто вечная.
Дочке подаю – вот нитка крепкая,
голубая, бесконечно прочная.
Связанная тайной связью с предками,
Через сто галактик не закончится.

ИГРА С ОГНЁМ

Одна – ни братьев, ни сестёр.
Мне ближе всех стал враг –
Бегу стремглав кормить костёр,
С мальчишками в овраг.
И вот – огонь большой горит –
Полынь и сухостой.
Трещит, гудит и говорит
Со мною злой огонь.
Он жулик рыжий, как и я.
Он рвётся в языки.
И дым пускает на меня.
И ест с моей руки.

⁴ Вервие – верёвка, шнур (устаревшее). В православии это длинная верёвка (около 40 метров), опоясывающая престол поверх катасарки. Вервие символизирует собой путы, которыми был связан Христос, ведомый на суд, и Божественную силу, которая держит собою всю Вселенную.

Как пёс голодный и родной.
И я в восторге вся.
Любуюсь золотой золой,
Как выводком лисят.

Ему я снова есть даю –
Возьми, поешь, живи!
Щенки твои с ладони пьют
Дары моей любви.

За сердце бабушка схватясь,
Взмолилась в вышине,
С обрыва, набожно крестясь.
А я чуть не в огне.

А я с костром-то говорю,
Девчонка – друг огня...
И страшно ей, что сотворю.
Ей страшно за меня.

Огнёвка то, растёт в дому,
Она ж нас всех сожжёт!
– А я огонь люблю! Ему
гудрон дарю, как мёд.

И вот уж чувствует меня.
Сметливый конь-огонь.
Я для него – дитя огня,
Сама огонь – лишь тронь.

А бабушка мнит о худом,
Схватила за ремень.
От топота гудит наш дом
В кромешный Божий день.

И вот, как в детстве, я с огнём –
Стихами выжгла мир –
Горячим, золотым пером.
И жизнь прожгла до дыр.

* * *

Памяти бабушкиной сестры Грунюшки

От кромешной тоски,
Между небом «осьмым» и девятым,
Тётя Груня носки
Полосатые вяжет робятам.
Не своим, а чужим,
Коль своими судьба обделила.
Нитка жизни спешит,
Что давно померла, позабыла.

Месяц, будто, январь,
Воскресение дня выходного.
В печке, в вольной, стоят
Караваи большие ржаного.
Свет от утречка свят,
Сквозь герань пробивается резкий.
На окошках хрустят,
Инда снег по зиме, занавески.

Из деревни, из всей.
На показ ришелье вырезное.
В Елизарово ей.
Припасла накануне сувои.

Только хлебу остыть.
А кукушка молчит. Эка жалость.
Видно, встали часы.
Вот и «Утро в бору» задержалось.

В сени выйти дока.
Нынче дух, аж зашлось, осязаем.
И отколь облака
на приступок крыльца напозаюют?..

ПОКУПКА КИЛЬКИ

После этой долгой спячки,
Сна в слепой зиме медвежьей,
Вышла я на снег горячий,
Лёд перчёный семисвечный.

И в период всехней линьки,
В поселковом магазине
Встала за солёной килькой
В очереди, посредине.

Для семи голодных кошек –
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.

В дивном марте, в этом веке,
Мир и килька да прибудет!
Кошки тоже человеки.
Кошки – мартовские люди!

Всем видна с небес парадных,
Я топчу снега земные –
С килькой, хлебом, псом патлатым
В марте, в эти выходные
На тропе спляшу слоистой
В ботах дырчатых, сюрпризных.
Распалиться, просолиться –
Вот она – соль нашей жизни!

* * *

Из избы несу в корыте
Горы тряпные, отжатых
Простыней белёных кипы,
Занавесок мятый бархат.
Глубоки снега по марту.
Облака, в них солнце светит.
А бельё-то вешать надо,
Чтоб проветрил ткани ветер.
Чтоб от смерти до бессмертья,
Въявь, их сквозь ветра продули,
Провертели в круговерти
Мировой небесной бури.
Над ноздрястым настом марта,
Над малин седой тесьмою,
В бархатных кистях косматых
Обдаёт меня весною.

Как шагну назад снегами,
Облаками неба, Рая –
Провалилась, ровно камень,
Грубая, насквозь земная.